

УДК 340; 930

А.С. Середа*магістр ист. наук, аспірант трэцяга года обучения**каф. историко-культурного наследия Беларуси**Республиканского института высшей школы**e-mail: MarcellinuS@tut.by*

СЛОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ

Определены трудности в применении законодательства об отмене крепостных отношений в условиях сложной социальной структуры белорусской деревни второй половины XIX в. Рассмотрены проблемы закрепления новых отношений между государством, помещиками и крестьянством с учетом традиционных норм обычного права. Определено, что осуществление аграрной реформы потребовало серьезных юридических доработок в связи с взаимодействием норм официального и обычного права. Сделан вывод о сложности приспособления населения к новым правовым нормам, а также о болезненных последствиях реформы как для крестьянства, так и для помещиков.

Введение

В научно-популярной и академической исторической литературе часто утверждается тезис о существовании отдельной «крестьянской цивилизации» в Российской империи параллельно с официальным государственным строем. Приводящийся огромный фактологический материал на основе экономических, общественно-политических, юридических, морально-психологических, этнорелигиозных и прочих данных подтверждает это. Достижения западноевропейских историков и целых исторических школ (к примеру, таких как небезызвестная Школа Анналов) свидетельствуют об актуальности данного тезиса применительно к Западной Европе. На протяжении XIX века фактически сосуществовали две системы общественного устройства: 1) официальная модель, прямо декларирующая и насаждающая необходимый порядок вещей, и 2) простонародная, носящая традиционный, консервативный, полускрытый, полуавтономный характер. Неудивительно, что широкомасштабные, зачастую резкие исторические процессы, затрагивающие все слои общества, приводят к причудливому смещению систем, обнажая скрытые, но важные структуры социального устройства народов, стран и отдельных регионов.

Крестьянская реформа 1861 г. в Российской империи является примером «перестройки» общества, хотя была весьма непростым и трудоемким процессом. Доказательством этого является сам закон о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, состоявший из 17 крупных «Положений» и дополнительных правил, касавшихся различных категорий крестьянства Российской империи, объединенных по социальным, территориально-географическим, экономическим причинам [1, с. 135–136]. Однако данные правила, распространявшиеся среди наиболее крупных категорий крестьянства, имели ряд недостатков, поскольку не учитывали хозяйственно-бытовых особенностей традиционного крестьянского общества, а также не затрагивали некоторых малочисленных полускрытых для официальных органов власти представителей «крестьянской цивилизации», не подпадавших под действие официального законодательства. Цель работы – анализ проблем правоприменения законодательства об отмене крепостного права в белорусских губерниях.

Научный руководитель – А.А. Загорнов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Задачи работы: 1) изучение проблемных ситуаций в среде крестьянства, возникших в процессе проведения реформы 1861 г. в белорусских губерниях по причине недоработок закона, не учитывавшего местных условий; 2) анализ решений выявленных проблем институтом мировых посредников и правительством Российской империи.

Проведением реформы занимался институт мировых посредников, созданный в Российской империи в 1861 г. для улаживания поземельных отношений между крестьянами и помещиками. Документом, закреплявшим имущественные отношения сторон, являлась уставная грамота, регулировавшая отношения помещика и крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Для этого в каждом имении нужно было подсчитать количество действительно проживающих в нем крестьян, выявить количество душ мужского пола, которые должны были получить землю, узнать экономический потенциал имения (площади пахотных земель, сенокосов, пастбищ, лесов, количество колодцев и т.д.). Документ в большинстве случаев составлял помещик либо его доверенное лицо, в особых случаях – мировой посредник. Он же проверял условия уставной грамоты на практике и вводил документ в действие.

Все работы по составлению и введению уставных грамот, согласно планам, должны были пройти в двухгодичный срок, т.е. в период с 1861 по 1863 г. [1, с. 344]. Весь комплекс мероприятий, связанных с введением в действие документов, был для института мировых посредников главной задачей. О масштабах деятельности посредников в Российской империи говорит уже тот факт, что в архивных фондах Министерства финансов России сохранилось свыше 100 тыс. копий уставных грамот [2, с. 77].

Начав работу по составлению уставных грамот, посредники столкнулись с рядом юридических проблем и трудностей, которые можно условно разделить на несколько групп. К первой группе можно отнести проблемы, связанные с буквальным истолкованием и пониманием условий составления уставных грамот и аспектов деятельности мировых посредников вообще. Обнаруживается немалое количество документов, связанных с теми или иными сторонами вопросов введения и утверждения уставных грамот. При этом множество проблем можно было решить на месте, имея на руках копию местных положений о поземельном устройстве крестьян, силами самих мировых посредников. Это позволяет говорить о том, что: 1) ряд посредников, возможно, не изучили должным образом законодательную базу и не имели полного представления о своей деятельности; 2) в спорных ситуациях мировые посредники не решались проявлять инициативы, предпочитая обращаться за советом к непосредственному начальству (уездному и губернскому).

Ко второй группе можно отнести проблемы, связанные с прямым несоблюдением предшествующего законодательства, нарушениями и мошенничеством, которое, однако, воспринималось местным населением как обыденное, известное, повседневное, в какой-то степени само собой разумеющееся явление. К примеру, согласно местному положению, за крестьянами закреплялись дореформенные наделы, записанные в инвентарях – описях помещичьих владений, включающих в себя описания всех помещичьих угодий, материальных ресурсов поместья, фиксированных норм повинностей и платежей крестьян помещику. Разработка и проведение инвентарной реформы были результатом деятельности министра государственных имуществ П.Д. Киселева. Наличие инвентарей придало реформе, к примеру, в Виленском генерал-губернаторстве, специфический характер: правительство решило наделить крестьян и помещиков по возможности теми землями, которыми они реально владели согласно инвентарным спискам. На практике оказалось, что во многих имениях нормы инвентарей не соблюдались: вскрылись многочисленные факты неисполнения предыдущего законодательства, свя-

занные с утаиванием помещиками истинной информации о земельных площадях, количестве ревизских душ и т.д.

С началом реформы обнаружились многочисленные факты, связанные с подтасовкой данных о размерах угодий, завышением норм повинностей и т.д.; уже летом 1861 г. возникли первые признаки данной проблемы [3, л. 85–87]. Однако вскоре подобные сигналы стали частыми и привычными, оголив общественно-экономическую язву: инвентари в большинстве своем не соблюдались. В качестве показательного примера можно привести случай из практики одного из мировых посредников Бобруйского уезда. 31 августа 1861 г. посреднику 5-го участка поступила жалоба крестьян имения Думиновщины на то, «что они вообще не имеют того надела земли, который определен инвентарем, а некоторые хозяева вообще пользуются только огородами» [3, л. 114]. Владельцы имения, помещики Закржевские, требовали исполнять полную барщину и заявили, «что крестьяне все имеют по инвентарю и сами уклоняются от аккуратного исполнения лежащих на них обязанностей» [3, л. 114]. Посредник, решив на месте разобраться с проблемой и назначив осмотр местности в определенный день, затребовал инвентарь, но в нужный день не получил документа: оба помещика не явились для разбора ситуации [3, л. 114]. Самостоятельно отправившись на проверку, посредник обнаружил, что «в силу хорошего географического расположения очень легко и верно получается квадратное измерение данного пространства». На месте выяснилось, что крестьяне в целом говорят правду: «столь мало и бедственное положение крестьян вышепрописанных имений» [3, л. 115].

Большое количество таких случаев потребовало специального постановления Министерства внутренних дел, определившего несение крестьянами барщины на той же основе, которую они отрабатывали до 19 февраля 1861 г., но с условием уменьшения, описанным в ст. 150 местного положения [4, л. 89]. Данная статья предусматривала снижение дней барщины на 10 % [1, с. 362]. Чистый денежный оброк оставался без изменений, если не превышал 3 руб. с десятины [4, л. 89]. Остальные нормы повинностей и отработок изменялись на основании условий местного положения, изложенных в статьях 150–200 [5, с. 362–368], и по Постановлению Сената от 27 сентября 1862 г., отменявшего многие второстепенные повинности и отработки [4, л. 89].

К третьей группе можно отнести проблемы, касавшиеся различных категорий крестьянского населения, которые при предыдущей системе взаимоотношений не являлись с точки зрения крестьянского мировоззрения полноценными крестьянами либо же в силу обстоятельств были связаны особыми традиционными связями или круговой порукой с крестьянской общиной или помещичьим двором.

Известно, что между панским двором и деревней существовали стойкие экономические связи, которое долгое время сохранялись и в пореформенный период. Поместье оставалось хозяйственным и де-факто судебно-административным центром для локального крестьянского сообщества [6, с. 115]. Панский двор служил также местом обучения для части крестьянской молодежи [6, с. 166], которая занималась при школе, созданной помещиком, либо направлялась им для получения образования или изучения ремесленного дела в города и местечки. Важно отметить, что помещик нередко тратил собственные ресурсы для содержания учеников. Отмена крепостного права поставила вопрос о том, как быть с подростками, которых помещик отдал на обучение ремеслам и наукам за свои деньги: «не надлежит ученикам ли выплатить или отработать потраченные помещиком издержки» [3, л. 136]. Согласно положениям, контракты об отдаче помещиком дворовых или крестьян в обучение сохраняли свою силу до истечения срока. В случае оплаты помещиком обучения закон настоятельно требовал от крестьян «войти в соглашение» (договориться) с помещиком [1, с. 170–171], иначе помещик пе-

рестал бы снабжать учащихся ресурсами, что, естественно, вызывало бы большие затруднения у части учеников.

Особую категорию крестьянского населения, прочно зависевшего от помещика как экономически, так и в силу многих неформальных отношений, составляли дворовые люди: дворецкие, лакеи, эконоы и экономки, камердинеры, охранники (гайдуки), горничные, кухарки, кучера, кормилицы, няни, дядьки (воспитатели господских сыновей), дворовые кузнецы, плотники, дворники, пастухи и т.д. Обустройство дворовых представляло собой существенную проблему как для них самих, так и для помещика: от ряда слуг-специалистов помещик был очень зависим и не мог обойтись, в то время как от некоторых из бывшей дворни помещику ради экономии средств в процессе перестройки имения на новый экономический лад пришлось бы отказаться. Неудивительно, что многие дворовые люди, привыкшие исполнять волю помещика, зачастую пассивные и инфантильные, испытывали бы трудности, а то и вовсе лишились бы средств к существованию.

Специальное положение об устройстве дворовых людей оставляло в полной собственности все их движимое имущество [1, с. 170]. Правом на участие полевым наделом наравне с крестьянами пользовались те, кто до 2 марта 1858 г. лично пользовался полевым наделом или, «по поступлению помещику в услужение либо в хозяйственную должность», не переставали пользоваться наделом или нести барщину при обработке земли [1, с. 170]. Если дворовые хотели получить землю, им нужно было стать членом крестьянской общины, при этом помещик был «не обязан обзаводить их ни домами, ни другими принадлежностями крестьянского хозяйства» [1, с. 170]. На протяжении двух лет (до 1863 г.) дворовые люди обязаны были платить владельцам оброк или отбывать службу, «оставаясь в полном, на основании закона, повиновении владельцев». Оброк не должен был превышать 30 руб. в год с мужчины и 10 руб. с женщины. Проживающие на стороне и находящиеся на заработках не могли отказаться от оброка, однако и помещик не мог произвольно требовать их возвращения в имение и произвольно повышать плату. Также на протяжении двух лет дворовые люди получали от владельца прежнее содержание либо не ниже записанного по инвентарю [1, с. 171]. Помещик мог уволить слугу до истечения двухлетнего срока как по согласию сторон, так и в одностороннем порядке, однако в последнем случае помещик обязан был выплатить слуге определенную сумму денег [1, с. 173]. Уволенные без земли по истечении двух лет бывшие дворовые приписывались по месту реального проживания, но при этом за ними сохранялось право на протяжении двух лет выбрать окончательное место приписки [1, с. 174]. Дворня, уволенная ранее двухлетнего срока и приписанная к сельским обществам, освобождалась на шесть лет от уплаты налогов и от несения повинностей, в том числе рекрутской, прописанные в городах получали прибавку к отсрочке еще на два года (итого — на восемь лет). Для бывших слуг сохранялась возможность найма в рекруты вместо других людей [1, с. 174].

Заслужившему хорошую репутацию эконому, кузнецу, конюху или иному ремесленнику, который был необходим помещику, в большинстве случаев не стоило особо беспокоиться за свое будущее. Это относилось также к особо верным и преданным помещику слугам (такой тип слуги хорошо описан А.П. Чеховым в пьесе «Вишневый сад» на примере старого преданного лакея Фирса). Прочие освободившиеся члены дворни, согласно документам, нередко приписывались в близлежащих сельских обществах (как правило, это были семейные люди [7, л. 3]). Неженатые, согласно документам, нередко не указывали места намеченного жительства [7, л. 5–6] (очевидно, пользовались предоставленными льготами) и покидали поместье в поисках лучшей доли. Однако, согласно источникам, помещики нередко наделяли бывших слуг участками земли, которые брались из земель, отдававшихся во владение крестьянской общине.

Зачастую такой процесс происходил и по отношению к безземельным крестьянам – еще одной пестрой части крестьянского населения. Безземельные крестьяне (батраки, бобыли, кутники, халупники) не имели полевой земли, а нередко и огорода. Их имущество состояло чаще всего из хаты или халупы (очень примитивного жилища) и многочисленной живности. Такие крестьяне жили во многом за счет случайных заработков, сезонных работ и отхожих промыслов, нищенствованием или под присмотром общины. Наделение помещиками таких людей земель из части общинных угодий стало вызывать недовольство и протесты части крестьянства, требовавших исключения последних из общины. В целях решения проблемы 21 июля 1862 г. был издан общий циркуляр Министерства внутренних дел «Об истребовании от безземельных крестьян отзывов при проверке уставных грамот» [8, л. 28]. Правительство напоминало о праве безземельных крестьян на выход из общины, но, несмотря на протесты общинников, безапелляционно сохраняло за ними право на земельный надел. Таким образом, безземельное крестьянство само решало, как поступить: покинуть общину или остаться в ее составе, получив землю за счет других крестьян. В итоге крестьянская община различными способами старалась исключить представителей безземельного крестьянства (особенно это касалось криминальных элементов и прочих «порочных членов») [3, л. 104].

К четвертой группе проблем можно отнести те, которые были связаны с региональными особенностями областей, не учтенными при рассмотрении закона на стадии проекта. Многие спорные вопросы, касавшиеся крестьянского землепользования, землевладения и налогообложения, имевшие четкий и стройный вид согласно официальному делопроизводству, в реальной жизни, как уже отмечалось, строились на основе местных традиций и порядков. Поскольку правовой обычай в Российской империи также являлся источником права, мировые посредники вынуждены были в складывающихся условиях находить компромисс, который находили либо при рассмотрении вопроса уездными и губернскими властями (уездные и губернские по крестьянским делам присутствия), либо после обращения неспособных решить проблему губернских властей в Сенат.

Так, большой проблемой при осуществлении реформы стало наделение земель жителей местечек. Необходимо напомнить, что местечком называлось поселение, исторически сложившееся на землях бывшей Речи Посполитой, жители которых занимались как сельскохозяйственной, так и торгово-промышленной деятельностью. Дело в том, что жители местечек считались мещанами, однако среди них было много крестьян, в силу обстоятельств переселившихся в местечки, но входивших в близлежащие крестьянские общества. Специальный циркуляр правительства вводил уставные грамоты среди таковых крестьян на общем основании. Однако в случаях, если местечковые крестьяне, имевшие «пляцы» (небольшие по размерам участки земли) желали отделиться от крестьянского общества, решено было образовывать из них отдельные общества. Тогда плата за землю для каждого хозяина определялась отдельно, «такая, как для прочих свободных жителей местечка, с тем, чтобы плата эта для каждого хозяина не превышала той, которую он платил прежде, или отбывал повинности» [9, л. 73].

Много трудностей при осуществлении реформы создавала простонародная традиция совместного держания одного участка земли родственными семьями («семейные разделы»). Мировому посреднику, к примеру, сложно было разобрать противоречивую официальному законодательству, но вполне обычную для населения ситуацию, при которой «два родных брата, взрослых и семейных, держали вместе один участок земли, который обрабатывали вместе, вместе платили налоги, вместе отбывали повинности – кого из них следовало назвать хозяином участка, поскольку исходя из местного обычного права главным в хозяйстве считался старший брат» [10, л. 4]. В таких ситуациях требовалось буквальное исполнение официального закона: главой земли объявляли то-

го, на ком юридически числился участок [10, л. 22]. Традиционный уклад жизни поставил в ряде случаев вопрос: следует ли называть батраками взрослых сыновей крестьянина-хозяина в случае, если бы сыновья на самом деле держали хозяйство совместно с отцом либо при «престарелых летах и дряхлости сего последнего на деле управляли бы им» [10, л. 4]? Рассмотрение вопроса пришло к выводу, что, несмотря на дряхлость и немощность, домохозяином признавался тот, кто реально владел хозяйством, однако батраками никоим образом не нужно было записывать всех тех крестьян, которые не вошли в первый список (особенно сыновей домохозяина) [10, л. 4].

Еще одна проблема коренилась в народном обычае, согласно которому в имениях, не имеющих свободных земель для новых крестьянских семей, в случае увеличения семьи домохозяина участок, как правило, делился на два полуучастка: большая семья разделялась на две малые. Такие полуучастки в отличие от самовольных «семейных разделов» официально числились в инвентарях. Владевшие ими хозяева назывались «*polgruntowemi*», а их семейства отбывали половинную барщину. Встал вопрос о том, как обозначать в уставной грамоте такое положение. В итоге постановили считать каждый полуучасток отдельным хозяйством с последующим исправлением информации, взятой из инвентаря [10, л. 25].

Особой проблемой для мировых посредников был вопрос о положении крестьян-коморников. Коморники – беднейшие крестьяне, существовавшие на землях бывшей Речи Посполитой. Они не имели ни своего двора, ни земли: за предоставленное жилье-коморку отбывали барщину и иные работы, платили оброк, занимались ремеслом, мелкой торговлей; за добровольно-условную плату находились в услужении помещиков или отдельных крестьян. Не будучи ни безземельными, ни дворовыми крестьянами, коморники выпадали из поля действия закона. В местном положении не содержалось никаких инструкций по их обустройству. Проблема происходила из следующего: нередко помещики в своих имениях строили двойные дома для двух семей, комнаты которых не пересекались и даже входы которых были отдельными. В одной части дома жила полноценная крестьянская семья, владевшая наделом земли, в другой части жил с семьей безземельный коморник [11, л. 179]. После отмены крепостного права временнообязанные крестьяне, ставшие собственниками жилья, стали выгонять коморников из домов, стремясь присвоить остальную часть дома, ссылаясь на принадлежность всех строений на крестьянской усадьбе домохозяину, а также отбывание повинностей за дома коморников. Выходом из ситуации крестьяне видели установление платы коморникам за пользование помещениями дома [11, л. 179]. Изначально посредники пытались записывать коморников батраками либо огородниками. Сложность ситуации обострялась тем, что в таком случае безземельные коморники «по законам собственности» вынуждены были бы платить за отсутствующую у них землю «самомалейший чинш, даже в несколько копеек в год, что едва бы соответствовало нравственным понятиям народа». Поэтому звучали предложения рекомендовать помещикам выделить коморникам земли хотя бы в размере от 400 до 800 саженой. Однако летом 1861 г. Гродненское губернское по крестьянским делам присутствие постановило не принимать ничего и не облагать их каким-либо чиншем [10, л. 22]. Когда проблема вновь заявила о себе, грозя более тяжелыми последствиями, мировые посредники не смогли чем-либо помочь. После непростого разбирательства губернские чиновники пришли к заключению: помещения коморников предоставлялись в полное пользование крестьян, владеющих усадьбой. Ни помещик, ни крестьяне-коморники не могли чего-либо требовать от крестьян-домохозяев. Однако домохозяин, пожелавший выдворить коморников против их воли, обязан был выставить вопрос на обсуждение сельского схода, который бы разбирал данную проблему на основе п. 8 ст. 51 Общего положения об общественных нуждах, бла-

гоустройстве и призрении [1, с. 148]. Именно сельский сход должен был решать судьбу представителей этой категории крестьянства.

Неписанные правила и устои традиционного общества нередко приводили к острым конфликтам в ситуациях, требовавших четкого законного оформления. Примером тому можно считать случай с мировым посредником 3-го участка Пинского уезда, произошедший в 1864 г. Коллежский асессор Казимир Климович, владелец имения Стайки, выдал бывшему дворовому человеку Игнатию Харитонову документ, согласно которому отпускал последнего на волю и предоставлял безвозмездно усадьбу со строениями в деревне Коморы в полную собственность. Позже коллежский асессор продал свое имение помещику Орде, «не принимая в уважение означенного документа, объясняя, что купил то имение безо всяких исключений» [12, л. 104]. По уставной же грамоте при выкупе крестьянами деревни усадеб «он не обязан никаким платежом; но пространства одного участка не означено» [12, л. 102]. В уставной грамоте участок также не был показан, а при покупке имения Климович не сообщил Орде ничего о том участке. Помимо этого, документ «не был обличен в законную форму» [12, л. 102] и на основании ст. 993 XVII Т. Ч. I свода Законов Гражданских не имел силы. Имея в виду эти обстоятельства, помещик должен был исключить подаренную усадьбу из числа продаваемых земель [12, л. 102], чего он не совершил. В итоге крестьянин, «веря безотчетно действиям своего бывшего помещика, и притом, как неграмотный, мог не знать о существовании для дарственных актов особых форм» [12, л. 103], оказался заложником ситуации, когда последствия традиций и обычаев вступали в противоречия с юридическими тонкостями. После рассмотрения данного дела Минское губернское по крестьянским делам присутствие постановило: «Уведомить мирового посредника 3-го участка Пинского уезда, что права Харитонova на участок быть не могут до тех пор, пока г. Орда лично и добровольно не признает их, и потому Харитонов не может владеть данной землей» [12, л. 103]. Вместе с тем бывшему помещику было предложено войти в добровольное сношение с крестьянином Харитоновым, ибо крестьянин по ошибке Климовича потерял на землю права, или же уговорить помещика Орду признать права собственности Харитонova на усадьбу [12, л. 103].

Неизвестно, чем окончилась эта тяжба, однако нужно заметить, что крестьянство, привыкшее во взаимоотношениях с помещиками опираться на неписаную, устоявшуюся традицию, действительно оказалось в сложном положении, вынуждавшем болезненно приспособляться к новым условиям существования.

В докладе министра внутренних дел Ланского императору от 31 марта 1861 г. имеется следующая информация, относящаяся к осуществлению аграрной реформы: «Местами управляющие и эконоы, принадлежащие к грубому и необразованному классу людей, раздражают крестьян, говоря им: “Вот вы выпросили себе вольность — что же вам из этого? Пригон будете отправлять по-прежнему, слушать нас должны по-прежнему, а уже дров и леса мы вам теперь даром не дадим, а пособия и семян подавно”» [13, с. 9]. Необходимо признать, что, несмотря на эксплуатацию крестьянства, помещики обязаны были обеспечивать крестьян необходимыми ресурсами как в счет повинностей, так и за символическую плату, а зачастую вовсе даром. «Взаимоотношения землевладельца с его арендаторами или работниками сильно отличаются от тех, что связывают промышленника с его наемной рабочей силой. В первом случае физическое соседство и общая зависимость от капризов природы создают единение наподобие политического. Складываются личные связи, унаследованные порой от прежних поколений. Все это приводит к тому, что имущественные различия воспринимаются как “естественные” и оказываются “не столь раздражающими”» [5, с. 68].

В связи с проведением реформы ресурсы, полученные крестьянством от помещика в счет будущих отработок и платежей, превращались в долги и недоимки, кото-

рые могли пропасть. Примечательно, что в докладе управляющего Минской палатой государственных имуществ в декабре 1861 г. по этому поводу отмечается следующее: «Поскольку до отмены крепостного права запрещено было принимать жалобы крестьян на помещиков..., отношения между крестьянами и помещиками были почти вне всякого контроля, трудно доказать существование сколько-нибудь значительных долгов крестьян помещикам... неудивительно отсутствие закона, обеспечивающего претензии помещиков к крестьянам, в то время когда последние были в бесконечном распоряжении своих кредиторов... Облечь в законную форму и определить способы взыскания долгов крестьян помещику едва ли возможно при чрезвычайной неопределенности фактов, могущих служить доказательствами» [3, л. 159].

В итоге помещичье хозяйство, вынужденное приспособляться к новым условиям хозяйствования, также понесло немалые убытки в силу ломки старых традиций. Однако, обладая большим количеством ресурсов, помещик, в отличие от крестьянина, мог менее болезненно пережить трансформацию общественно-экономической системы.

Заключение

Подводя итоги, можно говорить о следующем: на территории белорусских губерний Российской империи в рамках официально регламентируемой крепостнической системы существовало множество элементов традиционного хозяйственного уклада, носящего многообразный характер, нередко несовместимый с утилитарными понятиями. Данные элементы уклада существовали как на основании прямого нарушения предыдущего законодательства, так и в силу неписаных, неформальных, народных, межсословных и внутрисословных норм, правил и традиций, выполнявших много функций на местном уровне.

Осуществляя масштабную крестьянскую реформу, власти столкнулись со сложностями совмещения официального законодательства с обычным правом, что привело к существенной корректировке как официального законодательства, так и народных обычаев. Также сохранялась широкая возможность полюбовного урегулирования противоречий. Корректировка законодательства происходила на всех уровнях: от сельского схода и мирового участка до Правительствующего сената, что занимало нередко длительное время. Это растягивало процесс реального осуществления крестьянской реформы. Также важно отметить: несмотря на сосуществование официального и «обычного» права, все большее предпочтение при рассмотрении вопросов отдавалось нормам официального права. Такие трансформации общества болезненно сказывались как на крестьянском, так и на дворянском сословии, однако дворяне в силу обладания большим количеством ресурсов способны были преодолеть трудности с меньшими потерями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. – СПб., 1863. – Т. XVI, отд. 1 : 1861. – № 36490–7190.
2. Рыбков, А. Г. Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 года (на материалах Саратовской губернии) / А. Г. Рыбков, М. М. Зинина. – Балаково : Балак. ин-т экономики и бизнеса, 2010. – 171 с.
3. Журнал заседаний Минского губернского по крестьянским делам присутствия. 1861 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 242. Оп. 1. Д. 1.
4. Кобринский уездный съезд мировых посредников. Дело о введении уставных грамот в имениях // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 393. Оп. 1. Д. 4.

5. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.
6. Токць, С. М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. : манаграфія / С. М. Токць. – Мінск, 2016. – 328 с.
7. Дело об освобождении от крепостной зависимости дворовых людей имения Илоск помещика Шемиота Бруно // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 381. Оп. 1. Д. 30.
8. О бумагах, принятых к сведению руководству и исполнению (1862–1863 гг.) // НИАБ. – Ф. 2219. Оп. 1. Д. 6.
9. Циркуляры и распоряжения правительства, бумаги к руководству по крестьянскому делу (1861, 1862, 1863 гг.) // НИАБ. – Ф. 2219. Оп. 1. Д. 1.
10. Дело о составлении уставных грамот в имениях Кобринского уезда // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 382. Оп. 1. Д. 5.
11. Мировой посредник Брестского уезда 4-го участка. Дело о ходе проведения реформы 1861 г. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 391. Оп. 1. Д. 2.
12. Журнал заседаний Минского губернского по крестьянским делам присутствия. 1864–1865 гг. // НИАБ. – Ф. 242. Оп. 1. Д. 4.
13. Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861–1862 гг. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 20.03.2018

Sereda A.S. Difficulties in Implementing Legislation on the Abolition of Serfdom in the Belarusian Provinces

The article discusses the problems of implementing legislation on the abolition of serfdom in the Belarusian provinces. The difficult moments in the application of the legislation on the abolition of serfdom in the complex social structure of the Belarusian village of the second half of the XIX century are determined. The problems of consolidating new relations with the state, landowners and peasants are considered with regard to traditional customary laws. It was determined that the implementation of the agrarian reform required serious legal improvements in connection with the interaction of the norms of official and customary law. The conclusion is made about the complexity of adaptation of the population to the new legal norms, as well as the painful consequences of the reform for the peasantry and for the landlords.